

И Э Н М А К Ь Ю Э Н

ИЭН
МАКЬЮЭН

НА БЕРЕГУ

Москва
2018

УДК 821.111–31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan
ON CHESIL BEACH
Copyright © Ian McEwan 2007

Перевод с английского *Виктора Гольшева*

Макьюэн, Иэн.
М15 На берегу / Иэн Макьюэн ; [пер. с англ. В. Гольше-
ва]. — Москва : Эксмо, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-04-097472-6

Они — абсолютно разные. И им, таким непохожим, предстоит соединить свою жизнь и стать мужем и женой. Теперь их роднят страх, неуверенность в будущем — и сладкое предвкушение свободы. Но что ждет их в браке? Не обманывают ли они друг друга даже наедине? Филигранная в деталях история двух людей расскажет о том, как легко все потерять — за одну ночь.

«На берегу» — роман, где единственный момент вырастает до размеров Вселенной.

УДК 821.111–31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-097472-6

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2018

Персонажи этого романа вымышленные и не имеют никакого сходства с живыми или умершими людьми. Гостиницы Эдуарда и Флоренс в миле с лишним к югу от Абботсбери в Дорсете, стоящей на возвышенности над полем позади прибрежной автостоянки, не существует.

И. М.

Анналине

Глава 1

Они были молодыми, образованными, оба девственниками в эту их первую брачную ночь и жили в то время, когда разговор о половых затруднениях был невозможен. Но он всегда нелегок. Они только что сели ужинать у себя в номере на втором этаже гостиницы георгианских времен. За открытой дверью в соседнюю спальню видна была кровать с балдахинном, довольно узкая, под белым покрывалом, постеленным так ровно, как будто его натянула не человеческая рука. Эдуард не сказал, что никогда не жил в гостинице, а Флоренс в детстве много разъезжала с отцом и повидала разные. Внешне они были в прекрасном настроении. Венчание в церкви Святой Девы Марии в Оксфорде прошло хорошо; служба была чинной, прием — праздничным, друзья из школы и колледжа провожали шумно и весело. Ее родители не смотрели снисходительно

на его родителей, его мать больших оплошностей не совершила и не совсем забыла о причине торжеств. Молодые уехали на маленьком автомобиле матери Флоренс и ранним вечером прибыли в гостиницу на побережье Дорсета. Погода для середины июля и для такого случая была не идеальная, но вполне приемлемая: без дождя, но недостаточно теплая, по мнению Флоренс, чтобы ужинать на открытой террасе, как они намеревались. На взгляд Эдуарда — достаточно теплая, но, вежливый сверх меры, он и не подумал бы противоречить ей в такой день.

Поэтому они ели в маленькой гостиной перед приоткрытыми стеклянными дверьми балкона с видом на Ла-Манш и бесконечную гальку косы Чизил-Бич. Еду им подавали с тележки в коридоре два парня в смокингах, и воощеный дубовый пол «апартаментов для новобрачных» комически скрипел в тишине под их ногами. Гордый молодожен чувствовал себя защитником и внимательно следил, не проскользнет ли в их жестах или выражении лиц что-нибудь сатирическое. Он не потерпел бы хихиканья. Но эти парни из соседнего поселка занимались своим делом, почтительно согнув спины, с неподвижными лицами; манеры их были

нерешительны, и, когда они ставили посуду на крахмальную полотняную скатерть, руки у них дрожали. Они сами робели.

Это был не лучший период в истории английской кухни, но тогда никого это не смущало, кроме гостей из-за границы. Трапеза началась, по обыкновению, с ломтика дыни, украшенного засахаренной вишенкой. В коридоре на серебряных тарелках, подогреваемых свечами, ждали кусочки давно поджаренной вырезки в загустевшем соусе, разваренные овощи и голубоватого оттенка картофель. Вино из Франции, но без указания области на наклейке с изображением одинокой стремительной ласточки. Эдуарду в голову не пришло бы заказать красное.

Не чая дожидаться ухода официантов, Эдуард и Флоренс повернули стулья и разглядывали широкую мшистую лужайку, густой цветущий кустарник за ней и деревья на крутом склоне, спускавшемся к дороге на берег. Они видели первые слякотные ступеньки спуска, окаймленного растениями неправдоподобной величины, похожими на гигантский ревень и капусту с разбухшими стеблями двухметровой высоты, гнущимися под тяжестью темных, с толстыми жилами листьев. Садовая растительность перла

вверх, чувственная и тропическая в своем изобилии, особенно ярком в рассеянном сером свете, под легким туманом с моря. Море накачивалось на берег с мягким громом и откатывалось, шипя на гальке. У них был план: после ужина переобуться в грубые туфли, прогуляться по косе между морем и лагуной, известной под названием Флит, и если не допьют вино здесь, возьмут бутылку с собой и будут пить на ходу из горлышка, как рыцари с большой дороги.

Планов у них было много — планы головокружительные громоздились в туманном будущем, теснясь, как летняя флора дорсетского побережья, — и такие же красивые. Где и как они будут жить, кто будут их близкие друзья, он будет работать в фирме ее отца, она — заниматься музыкой, как распорядятся деньгами, подаренными ее отцом, как не похожи будут на остальных, по крайней мере внутренне. Это все еще была эпоха — она закончится к исходу того славного десятилетия, — когда молодость считалась социальным обременением, признаком несущественности, состоянием несколько неудобным, а женитьба — началом избавления от него. Почти чужие, они стояли в странной близости друг к другу на новой вер-

шине существования, радуясь тому, что новый статус обещает избавление от бесконечной молодости, — Эдуард и Флоренс свободны наконец! Одной из любимых тем было у них детство — не столько его радости, сколько туман ошибочных представлений, из которого они выбрались, разнообразные родительские промахи и устарелые порядки, которые они могли теперь простить.

С этих новых высот они все видели ясно, но не могли описать друг другу некие противоречивые чувства: каждого по-своему беспокоил близкий уже момент, когда их новая зрелость подвергнется испытанию, когда они лягут на кровать с балдахином и откроют себя друг другу. Вот уже больше года он мечтал о том, как вечером назначенного июльского дня самая чувствительная его часть погрузится, пусть ненадолго, в естественную полость внутри этой веселой, красивой, изумительно умной женщины. Беспокоило же его, как достигнуть этого без нелепостей и разочарования. Конкретнее, после одного неудачного опыта он опасался чрезмерного возбуждения или, как кто-то выразился при нем, «прибежать слишком быстро». Опасение это почти постоянно присутствовало в его мыслях, но, как ни велик был

страх перед неудачей, желание восторга, разрешения было гораздо сильнее.

Тревоги Флоренс были более серьезны, и по дороге из Оксфорда ей временами хотелось набраться мужества и высказать их. Но то, что ее тревожило, было непроизносимо, да и для себя это сформулировать она едва ли могла. Если он просто нервничал перед первой ночью, то она испытывала животный страх, беспомощное отвращение, такое же несомненное, как морская болезнь. Все эти месяцы радостного приготовления к свадьбе ей по большей части удавалось не обращать внимания на единственное облако, омрачавшее счастье, но, когда ее мысли возвращались к тесным объятиям — иного названия она избегала, — в животе рождался спазм, к горлу подкатывала тошнота. В современном передовом справочнике молодожена — с его жизнерадостным тоном, восклицательными знаками и нумерованными иллюстрациями — она наталкивалась на фразы и слова, вызывавшие чуть ли не рвотные потуги: «слизистая оболочка», зловещая, голая «головка члена». Иные фразы оскорбляли ее интеллект — в особенности касающиеся «вхождения»: «перед тем как он входит в нее», или: «теперь, когда он наконец вошел в нее», или:

«радостно войдя в нее». Она что, обязана в эту ночь стать какой-то калиткой или гостиной, через которую он прошествует? И почти так же часто встречалось слово, не сулившее ничего, кроме боли, раскрытия плоти перед ножом — «проникновение».

В оптимистические минуты она пыталась убедить себя, что страдает всего лишь повышенной брезгливостью и это пройдет. Конечно, при мысли о яичках Эдуарда, подвешенных за «гиперемированным» пенисом — еще один жуткий термин, — у нее вздергивалась губа, а представить себе, что до нее кто-то дотронется «там», даже любимый, было так же невыносимо, как представить себе хирургическую операцию на глазу. Но на младенцев брезгливость не распространялась. Малышей она любила и, случалось, с удовольствием ухаживала за маленькими сыновьями двоюродной сестры. Думала, что будет счастлива носить ребенка от Эдуарда, и абстрактно, во всяком случае, совсем не боялась родов. Если бы только могла достигнуть этого разбухшего состояния, как мать Иисуса, волшебным образом.

Флоренс подозревала, что в ней что-то очень неправильно, что она всегда была не такая, как все, и сейчас наконец это выйдет наружу. Ее